

СЕКЦИЯ 5.

МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ ИССЛЕДУЮТ ИСТОРИЮ КРАЯ.

А.А. Коробкин

(УрГУ)

О причинах возникновения «временного областного правительства Урала» в отечественной историографии.

История Временного уральского правительства является любопытным и по-своему курьезным моментом новейшей истории региона. Ведь Урал никогда не проявлял сепаратистских тенденций и не имел собственной военно-политической базы для образования автономного режима. Разобраться в причинах образования уральского правительства – значит понять его специфику.

Первые работы по этой теме возникли в 20-х гг. и страдали упрощенным подходом к проблеме. А. Ослоновский, А. Орлов, А. Баранов ограничились лишь общими фразами о «сговоре партий» и «инициативе буржуазии». Более аргументированную позицию представил Р. Силинг, который объяснил возникновение уральского правительства как результат сознательного выбора уральской буржуазии между Комучем в Поволжье и сибирским правительством. Не удовлетворившись ни тем, ни другим, уральцы приходят к мысли об автономии, встретив на этом пути поддержку Антанты, не желающей усиления чьей-либо стороны за счет Урала. А. Танияев выступил в том же ключе, но еще более усилил тезис о решающей роли «союзников». В его освещении уральское правительство было не результатом свободного выбора, а следствием прямого нажима Антанты.

Таким образом, в начальный период изучения проблемы наблюдается стремление к объяснению возникновения правительства чисто политическими мотивами без учета внутренних факторов. Интерпретация уральского правительства как буфера между Поволжьем и Сибирью безусловно верна.

Новое слово в изучении темы сказал О.А. Васьяковский. Он рассматривает проблему, исходя из специфики самого Урала, который, в отличие от аграрной Сибири, обладал, по мнению ученого, «значительным революционным потенциалом», для нейтрализации которого силы крупной буржуазии решили использовать меньшевиков и эсеров, поддерживающих в массах соглашательские иллюзии. В результате на Урале сложился блок партий, оформленный в виде правительства. При анализе этой, безусловно наиболее полной, с точки зрения научной обоснованности, концепции все же следует не согласиться с тезисом о доминирующей роли буржуазии в создании правительства. Закономерный для своего времени, этот тезис опровергается современными данными, говорящими, что создание правительства было делом рук исключительно местных партий, которые, для придания правительству веса в

буржуазных кругах, даже пригласили на место председателя П.В.Иванова как авторитетного представителя уральской буржуазии. Е.П.Сичинский, продолжая концепцию О.А.Васьковского, добавил еще один фактор, способствовавший созданию правительства и вытекающий из специфики региона, однако на сей раз - из экономической. Для восстановления горных заводов был необходим специфический административный опыт, которого у сибиряков не было.

Таким образом, к настоящему моменту проблема истоков уральского правительства имеет многосторонние и основательные освещения, хотя и располагает рядом «темных пятен». Несомненно, что автономия Урала являлась следствием его самобытности. Однако главные причины лежат в сфере политики. Буферная роль Урала наводит на мысль об искусственности его происхождения. Здесь угадывается интрига, так и не раскрытая окончательно.

По нашему мнению, в отечественной историографии незаслуженно мало внимания уделяется Чехословацкому корпусу, который вполне может быть недостающим звеном для осознания политического расклада, сложившегося вокруг Урала летом 1918 года. Корпус был весомой силой. Однако по большому счету белочехов мало интересовала местная политическая жизнь. Они были чужими этой стране, и их воля была отражением воли Антанты, заинтересованной в уральском правительстве. Вместе с тем, белочехи никогда не скрывали своих симпатий к эсерам и находились в постоянных трениях с сибирским военным руководством (о последних см.: Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 20-23, 27-31.). Образование пусть не чисто эсеровского (а такая попытка также предпринималась чехами - см.: Кроль Л.А. За три года. Владивосток, 1921. С. 172.), то хотя бы коалиционного с ними правительства лежало вполне в рамках «чешских представлений о справедливости». К этому следует добавить, что, ввязавшись в военные действия на Урале, сибиряки попали в чисто военную зависимость от уральской группы чехословацкого корпуса (см.: Утгоф В.Л. Уфимское государственное совещание. // Былое 192 №16. С. 19.), что позволяет последнему серьезно влиять и на политические решения Омска.

Выяснение влияния Чехословацкого корпуса на создание уральского правительства еще нуждается в серьезной доработке. Другой незамеченной деталью, которая могла бы представлять интерес для освещения проблемы, может быть фактор идеологического порядка. Известно, что если Комуш изначально претендовал на общероссийское значение, то сибирский антибольшевизм в значительной степени базировался на идеологии областничества, укоренившегося в Сибири еще с середины XIX века. Аналогичные воззрения испытывали и некоторые члены уральского правительства (см. подборку документов в «Уральском областнике» № 1,2.). Здесь можно предположить, что в сибирском правительстве на время возобладали узко региональные интересы над экспансионистскими устремлениями. В Омске просто предпочли не вторгаться в пределы другого региона для сохранения собственного относи-

тельного благополучия. Косвенно это предположение подтверждают воспоминания Л.А. Кроля, который свидетельствовал, что в приватной беседе некоторые сибирские политики «сильно упирали на то, что Сибири нет расчета смешивать свои дела с делами Европейской России» и даже пытались «соблазнить Урал совместно с Сибирью не платить за общие грехи России».

Таким образом, несмотря на общую разработанность темы возникновения уральского правительства здесь еще рано ставить точку.

А.Л. Ожиганов
(УрГУ)

Российская историография колчаковского движения: к характеристике современного этапа исследования темы

Начавшиеся со второй половины 80-х гг. глубокие социально-экономические и политические перемены в российском обществе повлекли за собой концептуальное переосмысление гражданской войны, продолжающееся до сих пор в атмосфере острой полемики. Одновременно с этим идет процесс оформления изучения белого движения в самостоятельное научное направление, наполнившее отечественную историографию гражданской войны новыми идеями, исследовательскими подходами, публикацией уникальных по своей значимости документов «контрреволюционного» происхождения.

Все это в полной мере относится к изучению восточной (колчаковской) «ветви» белого движения. В последнее время появился целый ряд статей, монографий и диссертаций, посвященных малоизученным и актуальным аспектам внутренней и внешней политики правительства Колчака, военному и государственному строительству, состоянию вооруженных сил на востоке страны.

Социально-экономические аспекты истории контрреволюции на Урале получили развитие в диссертационных исследованиях и статьях Н.И. Дмитриева и О.Ю. Никоновой. Н.И. Дмитриев впервые дал развернутую характеристику социально-экономической политики диктатуры Колчака, а также проанализировал приемы и методы управления уральской горнозаводской промышленностью в условиях «лагеря контрреволюции», финансовую политику и итоги социально-экономических мероприятий омского правительства на Урале. О.Ю. Никонова попыталась показать в своих исследованиях социально-экономическую программу правительства Колчака, проследить ее реальные результаты, осветить место и роль общественных организаций в процессе создания и реализации социально-экономического курса противобольшевистского лагеря. К характерным чертам социально-экономических процессов, происходивших в «лагере контрреволюции», она отнесла милитаризацию экономики, урезание социального законодательства, ограничение распо-